

ЙЕН ПИРС

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
ПЗЗ

Серия «Эксклюзивная классика»

Iain Pears
AN INSTANCE OF THE FINGERPOST

Перевод с английского *И. Гуровой, А. Комаринец*
Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*
Печатается с разрешения литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Пирс, Йен.

ПЗЗ Перст указующий : [роман] / Йен Пирс ; [пер. с англ. И. Гуровой, А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 928 с. — (Эксклюзивная классика)

ISBN 978-5-17-110846-5

Один из лучших исторических детективов и в то же время исторических романов XX века. Книга, которая по праву считается классикой сразу двух жанров.

Эта история случилась в бурную и опасную эпоху начала Реставрации Карла II. История предательства, убийства и некоего таинственного зашифрованного письма, которому лучше бы оставаться утраченным, ведь оно может привести на плаху очень и очень многих.

История, четыре версии которой нам поведают четыре разных участника событий. Но кто из них говорит правду, кто лжет, кто о чем-то умалчивает, а кто и сам не знает истины? Добросердечный и легкомысленный венецианец, не слишком понимающий смысл происходящего в чужой стране? Фанатично верующий юноша-пуританин, готовый на все, чтобы снять со своего отца обвинения в предательстве? Один из лучших тайных агентов Кромвеля, затеявший теперь собственную опасную игру? Или вдумчивый историк, на свое несчастье, полюбивший «неподходящую» девушку?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Iain Pears, 1997
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2018
© Перевод. А. Комаринец, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-110846-5

*Historia vero testis temporum
Lux veritatis, vita memoriae,
Magistra vitae.*

CICERO. DE ORATORE

*История — свидетельница времен,
свет истины, жизнь памяти,
владычица жизни.*

ЦИЦЕРОН. Об ораторском искусстве

ВОПРОС ПЕРВООЧЕРЕДНОСТИ

*Есть идолы, которых мы именуем Идолами Тор-
жищ. Ибо Люди общаются через Беседы, и лож-
ное или ненадлежащее Злоупотребление Словами
странно подчиняет Понимание, ибо Слова абсо-
лютно владеют Пониманием и ввергают все Пред-
меты в Хаос.*

ФРЭНСИС БЭКОН. НОВЫЙ ОРГАНОН
РАЗДЕЛ II, АФОРИЗМ IV

Глава первая

Марко да Кола, благородный венецианец, почти-
тельно вас приветствует. Я хочу рассказать о путе-
шествии, которое совершил в Англию в 1663 году, о
событиях, свидетелем которых был, и о людях, с ко-
торыми познакомился там, уповая, что люди любо-
пытные найдут все это не лишенным интереса.
Равно я намерен в своем повествовании разоблачить
ложь и клевету тех, кого я прежде ошибочно числил
среди моих друзей. Нет, я не стану писать длинного
самооправдания или подробно рассказывать, как
меня обманули и лишили славы, которая по праву
должна быть моей. Мое повествование, мнится мне,
будет говорить само за себя.

Многое я опушу, но лишь то, что никакого значе-
ния не имеет. Значительная часть моих путешествий
по этой стране ни для кого, кроме меня, интереса не
представляет и не будет упоминаться на этих стра-
ницах. Точно так же многие из тех, с кем я знако-
мился, мало что значат. Тех же, кто позднее причи-
нил мне много зла, я описываю такими, какими знал
их тогда, и прошу читателей помнить, что в те дни я

6 хотя и не был желторотым юнцом, но не был и искушен в путях света. Если мой рассказ покажется простодушным и глуповатым, значит, вам остается прийти к заключению, что таким был и юноша тех давних лет. Я не возвращусь к своему портрету, чтобы наложить новые мазки и лакировку для сокрытия моих ошибок или слабости моего дара как художника. Я не стану выдвигать никаких обвинений или вступать в полемику, опровергая других; нет, я просто изложу происходившее в уверенности, что ничего более от меня не требуется.

* * *

Мой отец, Джованни да Кола, был купцом и в последние годы своей жизни занимался поставкой дорогих товаров в Англию, которая, хотя и была страной простых нравов, тем не менее начинала оправляться от последствий революции. Он изда- лека прозорливо угадал, что по возвращении короля Карла II там вновь можно будет получать огромную прибыль без особого труда, и, опередив других, более робких купцов, открыл контору в Лондоне, чтобы обеспечивать англичан побогаче теми предметами роскоши, кои столько лет жестоко осуждались фа- натичными пуританами. Дела его шли успешно — он имел в Лондоне надежного агента в лице Джованни ди Пьетро, а кроме того, подыскал компаньона, ан- глийского купца, с которым делил прибыль. Как-то он сказал мне, что сделка была честная: этот Джон Манстон был хитер и нечист на руку, но как никто знал вкусы англичан. И, что еще важнее, англи- чане издали закон, запрещающий доставку товаров в страну не на английских судах, а Манстон знал спо- соб, как обойти этот запрет. И пока ди Пьетро сле- дил за ведением счетных книг, мой отец считал, что может не опасаться обмана.

То время, когда он сам вел свои торговые дела, давно миновало, и, приобретя на часть своего капитала имение на Terra Firma*, он питал надежду быть занесенным в Золотую книгу. Хотя сам он был купцом, но хотел, чтобы его дети принадлежали к благородному сословию, а потому не допускал меня к участию в своих торговых делах. Упоминаю я об этом как о свидетельстве его доброты: он рано заметил, что торговля меня не влечет, и содействовал тому, чтобы жизнь, которую вел он, не стала моей. К тому же он знал, что молодой муж моей сестры более подходит для торговых предприятий.

Итак, покуда мой отец упрочивал семейное имя и состояние, я (моя мать скончалась, а моя единственная сестра уже вступила в выгодный брак) был отправлен в Падую приобрести познания в науках; он хотел, чтобы его сын принадлежал к нашей знати, но не желал, чтобы я уподобился ей и в невежестве. Вот тогда-то, и уже в зрелых годах — мне было под тридцать, — мной внезапно овладело жгучее желание стать гражданином Республики Учености, как ее называют. Эту внезапную страсть я теперь и не вспоминаю, настолько полностью она угасла во мне, но тогда чары новой опытной философии совсем меня покорили. Разумеется, ради самого познания, а не для практического его применения. Я говорил вместе с Бериальдом: *non sum medicus, nec medicinae prorsus exspers*** и приложил некоторые усилия для постижения теории науки врачевания, но только чтобы удовлетворить свое стремление к знаниям, а не для того, чтобы применять эти знания на практике. У меня не было ни желания, ни нужды зарабатывать таким способом хлеб насущный, хотя, со стыдом признаюсь, иногда я мучил моего бедного отца,

* Материковые владения Венецианской Республики. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Я не врач и к медицине вообще не причастен (*лат.*).

8 угрожая, если он не будет добр ко мне, стать в отместку врачом.

Полагаю, он всегда знал, что ничего подобного я не сделаю и всего лишь пленен идеями и людьми, которые были столь же обаятельными, сколь и опасными. Поэтому он не стал возражать, когда я написал ему про сообщения одного профессора, который хотя читал лекции по риторике, но значительную часть своего времени посвящал изучению новейших достижений натурфилософии. Этот человек много путешествовал и утверждал, что всем, кто серьезно занят исследованиями естественных феноменов, более не следует относиться с пренебрежением к Нидерландам и Англии. После многих месяцев, проведенных у него под крылом, я заразился его восторгами и, поскольку в Падуе меня ничто не удерживало, попросил позволения побывать в этих странах. По доброте душевной мой отец немедля изъявил согласие, получил для меня разрешение покинуть пределы Венецианской Республики и отправил распоряжение своим банкирам во Фландрии снабжать меня деньгами.

Я было подумал воспользоваться моим положением и отправиться в путь морем, но затем решил, что для пополнения моих знаний следует увидеть как можно больше, а для этого более подходит карета, нежели три недели возлияний с корабельной командой. Должен прибавить, что я всегда очень страдал от морской болезни, в какой-то слабости неизменно избегал сознаваться, ибо, хотя Гомесий и говорит, что она болезнь исцеляет меланхолию, на своем опыте я ни разу этого не испытал. Тем не менее в дороге мое мужество ослабело, а потом почти вовсе испарилось. Путешествие до Лейдена занимает всего девять недель, но испытываемые мною страдания неумолимо отвлекали мое внима-

ние от того, что я видел вокруг. Как-то раз, 9
увязнув в грязи на полпути через альпийский
перевал, когда дождь лил как из ведра, одна лошадь
охромела, а единственным моим спутником был сол-
дат свирепейшего вида, я решил, что самая яростная
буря в Атлантическом океане предпочтительнее по-
добных мучений.

Однако обратный путь был бы столь же длин-
ным, как путь вперед, и я хорошо понимал, какие
насмешки и презрение навлеку на себя, если вернусь
со стыдом в родной город, слабый и больной. Стыд,
как я твердо верю, — самое сильное чувство из всех
известных человеку; множество открытий и важней-
ших путешествий совершались в страхе перед позо-
ром, который был бы неминуем, если бы дерзание
осталось незавершенным. Вот так, тоскуя по теплу и
удобствам моего родного края — у англичан есть на-
звание «ностальгия» для этой болезни, которая, счи-
тают они, есть следствие нарушения равновесия, вы-
званного непривычностью окружающего, — я про-
должил мой путь в раздражении и страданиях, пока
не прибыл в Лейден, где посещал школу медицины
как человек благородного сословия.

Об этом знаменитом университете написано
столь много, а он имеет столь малое отношение к
моему повествованию, что достаточно будет упомя-
нуть, что я почерпнул очень много от двух выбран-
ных мною профессоров, блиставших в своих сфе-
рах, — один преподавал анатомию, а другой — дея-
тельность органов тела в совокупности. Кроме того,
я путешествовал по Нидерландам и проводил время
в обществе весьма достойных людей, многие из ко-
торых были англичанами, и от них я более или менее
научился их языку. И уехал оттуда лишь по одной
причине: так распорядился мой добрый заботливый
отец — только по этой причине, и ни по какой дру-

10 гой. В лондонской конторе, известил он меня письмом, не все ладно, и заняться этим должен кто-нибудь из членов семьи — больше никому он не доверяет. Хотя я мало что понимал в тонкостях торговли, но был рад показать себя послушным сыном, а потому уволил моего слугу, привел в порядок собственные дела и отплыл из Антверпена, чтобы разобраться, в чем там дело. В Лондон я прибыл 22 марта 1663 года, имея в своем распоряжении лишь несколько фунтов, ибо сумма, которую я заплатил одному профессору за обучение, почти истощила мои средства. Но я не тревожился, ибо считал, что мне требуется лишь совершить короткую поездку от пристани до конторы, управляемой агентом моего отца, и все мои заботы останутся позади. Глупец! Я не сумел найти ди Пьетро, а негодяй Джон Манстон отказался меня принять. Он уже давно умер; я молюсь о его душе и надеюсь, что милостивый Господь не внял моим мольбам, зная, как и я, что чем долее гореть ему в вечном пламени, тем справедливее будет кара.

Мне пришлось расспросить какого-то слугу, и от него я узнал, что агент моего отца скоропостижно скончался несколько недель назад. И хуже того: Манстон тут же присвоил капитал и дело, отрицая, что хотя бы часть принадлежала моему отцу. В доказательство он предъявил нотариусам документы (разумеется, поддельные). Иными словами, он мошенничеством завладел всеми деньгами моей семьи — во всяком случае, теми, которые находились в Англии.

Слуга этот, к несчастью, не мог сказать, что мне делать дальше. Подать жалобу в суд? Но мне ведь нечем было доказать правдивость моих слов, так что толку из этого никакого не вышло бы. Я мог бы также обратиться за советом к адвокату, однако, хотя

Англия и Венеция во многом отличны друг от друга, в одном они безусловно сходны — в ненасытной жадности к деньгам законников всех мастей, а вот денег-то у меня и не было. То есть в необходимом количестве. 11

К тому же очень быстро мне стало ясно, что Лондон — очень нездоровое место. Я говорю не о знаменитой чуме, которая тогда еще не поразила город; я имею в виду, что Манстон в тот же самый вечер подослал ко мне наемников, показавших, что моя жизнь будет в большей безопасности где-нибудь еще. К счастью, они меня не убили — напротив, в схватке я вел себя достойно благодаря деньгам, которые мой отец платил моему учителю фехтования, и сдается мне, что один из этих брави покинул поле боя в худшем состоянии, чем я. Тем не менее я внял этому предостережению и решил держаться в тени, пока не решу, какой образ действий избрать. Не стану более возвращаться к случившемуся и скажу только, что со временем я оставил попытки вернуть отцовскую долю, и мой отец пришел к выводу, что потерянные деньги не стоят издержек, которых потребует их возвращение. Два года это дело в горечи не вспоминалось, а тогда мы услышали, что один из кораблей Манстона укрылся в порту Триеста переждать бурю. Моя семья приняла меры для его конфискации (венецианское правосудие столь же благоволит венецианцам, сколь английский закон — англичанам), и вместе с грузом корабль этот несколько возместил наши убытки.

Будь у меня разрешение моего отца на немедленный отъезд, я воспрял бы духом, так как лондонская погода способна самого сильного человека погрузить в чернейшее отчаяние. Туман, непрерывная гнетущая изморось и студеный ветер, насквозь пронизывающий мой тонкий плащ, ввергли меня в неизбыв-

12 ное уныние. Только долг перед моей семьей вынудил меня остаться, вместо того чтобы кинуться в порт и уговорить какого-нибудь шкипера доставить меня домой. Однако я не прибегнул к этому разумному способу, а только написал отцу, сообщая ему о случившемся и обещая сделать все, что в моих силах, указав при этом, что не смогу ничего добиться, пока не получу достаточного подкрепления из его денежных сундуков. Я понимал, что мне предстоит каким-то образом сводить концы с концами много недель, прежде чем его ответ дойдет до меня. А у меня было около пяти фунтов, чтобы как-то продержаться до тех пор. Профессор, у которого я занимался в Лейдене, весьма любезно дал мне рекомендательные письма к своим английским корреспондентам, и поскольку никого другого я среди англичан не знал, то и решил воззвать к их человеколюбию. Вдобавок оба они жили не в Лондоне, что было дополнительным соблазном, а потому я выбрал того, кто проживал в Оксфорде, то есть того, кто находился ближе, и положил отправиться туда елико возможно быстрее.

Англичане словно бы относятся с сильнейшим подозрением к людям, переезжающим из одного места в другое, и чинят путешественникам всякие препоны. Лист бумаги, приклеенный там, где я ожидал почтовую карету, оповещал, что шестидесятимильный путь до Оксфорда займет восемнадцать часов — если будет угодно Богу, благочестиво указывалось в конце. В тот день Всемогущему, увы, это не было угодно; от дождя дорогу совсем развезло, и кучер словно бы направлял лошадей по вспаханному полю. Через несколько часов соскочило колесо, мой сундук хлопнулся на землю, и ему повредило крышку, а у жалкого городишки под названием Тейм одна из лошадей сломала ногу, и ее пришлось

пристрелить. Добавьте к этому остановки почти у каждой харчевни на юге Англии (хозяева подкупают кучеров, чтобы они останавливались возле их заведений), и вы не удивитесь, что поездка заняла двадцать пять часов и я был высажен во дворе гостиницы на главной улице города Оксфорда в семь часов утра. 13

Глава вторая

Слушая англичан (их слава хвастунов заработана в поте лица), неопытный путешественник тут же вообразит, будто их страну украшают самые великолепные здания, самые большие города, самые богатые, самые сытые, самые-самые счастливые люди в мире. Мои впечатления оказались иными. Тот, кто знаком с городами Ломбардии, Тосканы и владений Венеции, может только изумляться крохотным размерам любых селений в этой стране, а также их скудности, ибо эти края почти необитаемы и овец там больше, чем людей. Только Лондон, *epitome Britannia** и величавое средоточие торговли, может выдержать сравнение с великими городами Континента; а все остальные пребывают в самом убогом состоянии и частично лежат в развалинах, обнищавшие из-за упадка торговли вследствие недавних политических смут, и полны попрошаек. Хотя некоторые университетские здания и хороши, в Оксфорде есть только несколько улиц, достойных внимания, и в какую бы сторону вы ни пошли, минут через десять непременно окажетесь за чертой города среди полей.

У меня был адрес дома в северной части городка на широкой улице, почти у самой городской стены. Там тогда проживал иностранный купец, который

* Здесь: воплощение Британии (*лат.*).

14 одно время вел дела с моим отцом. Дом выглядел очень неказисто, и прямо напротив него такие же дома были снесены, чтобы расчистить место для еще одного университетского здания. Англичане придерживались весьма высокого мнения об этом сооружении, возводимом по плану молодого и довольно высокомерного человека, с которым я познакомился позднее; он впоследствии создал себе имя, восстановив лондонский собор после Великого пожара. Слава этого Кристофера Рена совершенно не заслужена, так как он лишен чувства пропорции и не способен создать гармоническое творение. Однако это было первое здание в Оксфорде, строившееся по современным принципам, и породило великое волнение среди невежд.

Мистер Ван Лееман, купец, угостил меня горячим напитком, но сказал с сожалением, что больше ничем мне служить не может, так как ему негде меня поместить. Сердце у меня сжалось еще больше, но он хотя бы некоторое время побеседовал со мной, усадив меня у топящегося очага, и разрешил мне привести в порядок мой костюм, чтобы я выглядел более пристойно, когда вновь должен буду показаться на людях. Кроме того, он кое-что рассказал мне о стране, в которой я находился. Я был печально не осведомлен о ней, зная лишь то, что слышал от моих знакомых в Лейдене, да еще что двадцать с лишним лет Гражданской войны недавно наконец закончились. Однако Ван Лееман скоро вывел меня из заблуждения, будто страна теперь стала обителью мира и безмятежности. Да, король вернулся, сказал он, но с такой быстротой укрепил за собой славу развратника, что внушил отвращение всему миру. Вновь начали давать о себе знать раздоры, которые привели его отца к войне с подданными, а затем на плаху, и будущее выглядит очень мрачным. Не проходит дня,

чтобы в харчевнях не обсуждались слухи о каком-нибудь бунте, заговоре или восстании. 15

Но, успокоил он меня, мне не для чего тревожиться, все это меня не касается, а подобный мне мирный путешественник найдет немало интересного в Оксфорде, который гордится некоторыми из самых знаменитых людей в сфере новой философии. Он слышал и о высокородном Роберте Бойле, к которому у меня было рекомендательное письмо, и объяснил, что мне, если я желаю найти путь в его общество, следует отправиться в кофейню миссис Тильярд на Главной улице, где уже несколько лет проводит свои собрания Химический клуб и где, кроме того, можно найти горячую еду. Было ли это услугой или намеком, но я облекся в плащ и, попросив его еще об одной любезности — оставить у себя мой багаж, пока я не найду постоянного жилища, — отправился в направлении, которое он мне указал.

В те дни Англия просто помешалась на кофе, который попал туда вместе с возвращением евреев. Для меня, разумеется, эти горькие зерна новинкой не были, ибо я пил кофе для очищения селезенки и улучшения пищеварения, но я и представить себе не мог такого увлечения им, что были открыты особые заведения, где его можно было пить в поразительных количествах и за высочайшую цену. Заведение миссис Тильярд оказалось на редкость прекрасным и уютным, хотя я и был ошеломлен, что за вход туда с меня взяли пенни. Но я не мог показать себя бедняком, ибо отец научил меня, что чем беднее ты выглядишь, тем беднее становишься. Я заплатил с веселой улыбкой, затем выбрал залу, куда войти с напитком, за который уплатил еще два пенни.

Кофейни посещают люди, которые дорожат своей доброй славой. Это не кабаки, где собирается всякий низкий сброд. В Лондоне, например, есть англикан-